



СЕРДЦЕВИНА

КОГДА СЕРДЦЕ МИРА РАСКОЛОЛОСЬ,
РАСКОЛОДИСЬ И ЛЮДИ

Дарья Ликонцева

Сердцевина

«Автор»

2026

Ликонцева Д.

Сердцевина / Д. Ликонцева — «Автор», 2026

В мире, где три государства живут на грани новой войны, наследница Родичей Ведана оказывается втянута в конфликт, в котором она забудет о милосердии. С детства ее делали символом будущего, надеждой и оружием, но после Обряда стали видеть в ней только угрозу. Когда попытка удержать хрупкий мир оборачивается кровью, Ведана вынуждена покинуть дом и отправиться туда, где могут прятаться истоки древней силы — Сердцевины, способной изменить баланс мира, и вернуть ей доброе имя. Но чем ближе она к истине, тем яснее становится: война началась не из-за врагов. И остановить её можно только ценой того, что никто не готов потерять.

© Ликонцева Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Охота.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дарья Ликонцева

Сердцевина

Глава 1

Охота.

Когти Веданы впились в кряжистую ветвь дуба. Переминаясь, она убрала из-под лап ледяную корку, сложила крылья и стала высматривать лихо. Оно сновало вдалеке меж елей, будто по воздуху, лишь слегка приминая снег. То там, то тут лихо останавливалось – принималось к свежей крови. В морозном весеннем воздухе ее железный запах бил в нос за версту.

Лихо нужно было убить. Ведане не нравилось это поручение. Не нравилось, что это должна сделать она, что чистки начались так рано и так далеко от границы. Не нравилось, что за ней так же наблюдают и о каждом ее шаге будет доложено князю. Это его приказ – зачистить Лес.

Она не хотела убивать. Пусть бы это сделал кто-то другой, навроде отцовских учеников. Они бы гордо отчитались князю, доказали, что не зря проедают свой хлеб, и потом бы заливали на вечерках о своей удали, а младшие смотрели бы им в рот, мечтая стать как они. Да только ни Яромир, ни все его соратники с этим лихом не справились – слишком долго оно росло, слишком быстрым стало. И от мысли, что именно ее – Веданы - когти должны оборвать существование этой твари, сдавливало грудь. Облако пара вышло от глубокого и тяжелого выдоха.

Птичье зрение никогда не подводило. Верста за верстой лихо приближалось, но не ясно было, кого оно почуяло: ее или людей Яромира, оставшихся на опушке. Один из них и пустил себе кровь.

Раньше Ведану часто отправляли на такую работу – в зверином облике она почти не вызывала у нечисти страха. Так родители пытались выбелить ее для народа, вот, мол, не страшна наша дочь, она защищает нас, с лихами борется, но все обернулось другой стороной. Народ больше волновал вопрос, почему нечистые не нападают на княжну и, конечно, ответ у них уже был – потому что сама она и есть нечисть.

«Дурачье».

С тех пор ее к чисткам не пускали.

Лихо все увереннее плыло в лапы Ведане и, когда между ними осталась пара дюжин аршин, остановилось.

У него не было своего тела: шерсть, останки животных и прошлогодние листья скреплялись между собой черной дымкой. Дымка металась, меняя местами кости и лесную труху. Где-то в ворохе его существа нашлись кривые лапы – одна настоящая, другие из суков и веток. Появилась голова с длинной мордой, в пасти которой торчали зубы разных животных.

То, что соединяло лихо, похожее на дым или тень, на самом деле – пути жизни. Такие же тянутся и в человеке, и в каждой дышащей твари, и глубоко в земле, просыпающейся после зимы. Лихо собирает эту жизнь по всему Лесу и вернет ее обратно со своей смертью, как и все вокруг.

Подобие глаз из льдинок и мелких камешков уставилось на Ведану. И сам Лес словно бы стал тише.

Многие бы трусили от такого взгляда – холодного и пустого, но Ведана чувствовала, что за ним стоит большее. Пусть лихо и крадет чужие жизни, вплетая их в свои пути, но и люди так поступают. Почему князь решил, что он вправе решать, кому жить? Она старалась не думать

об этом стоя вчера при отце и по пути сюда, и сидя на этом дубе, но чем дольше она смотрела в глаза этой твари, тем больше сомневалась в своих силах.

Но дело нужно закончить.

Мышцы во всем ее теле напряглись, а под когтями затрещала кора. Ведана начала расправлять крылья.

- Давай. Испугайся, напади. – шептала она.

Ей нужен был повод.

Но лихо повело чем-то, что служило ему головой, словно приглашая, и снова двинулось в сторону Яромира. Будто Ведана ему не угроза, будто она своя! Черт бы его побрал. Это злило Ведану еще сильнее, чем глупые княжеские приказы. Она сорвалась вниз и приземлилась перед нечистым, преграждая ему путь.

Лихо насторожилось, но все еще не видело в ней врага. И Ведана ударила первой.

Плоть его расплзлась, как старое тряпье. В чуткий нос бил запах перегноя и тухлого мяса. Тонкими нитями части лихих тянулись друг к другу и сшивались заново. Со всех сторон они пускали свои цепкие, словно лоза, отростки и пытались ухватить своего врага. Ведана резко ушла вбок и снова бросилась, распарывая плоть когтями снизу-вверх.

Лихо дрогнуло, но не остановилось. Не зная боли и усталости, его пути росли все быстрее, сию секунду поймать Ведану. Они цеплялись за воздух, за ее ускользающие движения, задели крыло, и Ведана поняла, если замедлится – оно заберет и ее силу.

Снова и снова Ведана полосовала его тело и срывала с себя отростки, и с каждым ударом лихих восстанавливалось все медленнее. Во все стороны летело то, что поддерживало и сшивало его существо. То, что давно должно было вернуться Лесу, стать духом, а после — и новой жизнью.

Последний взмах когтей и от лихих стался лишь ворох трухи на грязном снеге. С глубокой отдышкой Ведана упала коленями в снег перед тем, что совсем недавно смотрело на нее без страха. Ей до сих пор чудились его глаза-кристаллы, и жалость грызла ей нутро. Но она все сделала правильно, и будет повторять себе это весь путь до княжьего терема.

Ведана отирала снегом остатки грязи с когтей, но черная жижа размазывалась все сильнее. И штаны испачканы. Духи, как ей это все дорого! Она наотмашь рубанула когтями по неразбитому бойней насту. Потом еще и еще. Шепот внутри становился все громче, пока его не перекрыл хруст снега за спиной.

Птица внутри взвилась, будто поняла, что ее вот-вот запрут. Крылья дернулись сами собой, воздух ударил под них, но Ведана уже тянула их обратно, заставляя тело вспомнить человеческую форму. Ноги свело и вытянутые птичьи кости с хрустом возвращались на место, когти втягивались, пальцы снова становились короткими и мягкими. Холод окружил слабое человеческое тело.

На плечи легла остывшая ткань ее душегрейки.

– Все, – раздался голос Яромира, – возьмите каждый по чуть и разбросайте подальше отсюда. Вольга, пусть Ведана закроет твою рану.

– Царапина это, а не рана, чего княжну тревожить, и так вон помогла, – бросил рослый детина, явно не желавший быть обязанным еще больше. Именно по его вине в прошлый раз им не получилось поймать лихо.

– Значит, будешь стоять бездельничать? – с прищуром спросила Ведана. Должно было выйти непринужденно, но Вольга напрягся.

– Да чего ты, нет конечно, я замотал, вон, не капает уже давно.

– Делай что велено. Не капает у него. А если напьется лихо, да умоет, то что, начинать сначала?

Так она должна была ответить, но то были слова Настасьи – единственной, кому Вольга не перечил. Выше многих парней на голову, широкоплечая и крепкая. Она собирала крупные

остатки нечистого в мешковину, а мелкие отбрасывала носком сапога. Настасья была из того же рода, что и князь, и часто позволяла себе командовать.

Кусок окровавленной тряпицы лег в карман Ведане. На мозолистой ладони Вольги от мизинца к большому пальцу тянулся косой порез – раной это и правда не назовешь. Обратись с таким к ведунье, уйдешь с большими увечьями за то, что побеспокоил ее.

Но их случай другой. Лихо собирает себя по крупцам, сначала из мертвого, потом из умирающего, а когда окрепнет, может напасть на зверя или человека, и забрать целую жизнь. Это занимает много лет, но, если ему повезет, и на сгусток попадет свежая кровь, силу лихих наберет мгновенно.

Ведана еще не научилась врачевать, как ведунья, от того ее пальцы так долго искали те самые пути. Она запускала в них свою силу, неумело сплавляя на разрезе. Редко ей приходилось лечить людей, она до сих пор тренировалась на сломанных ветках и, если повезет, на скотине, но закрыть рану, чтобы не кровило, могли многие. Это не жилы с костями сращивать.

Солнце уже приближалось к кронам елей, когда работа была закончена, и ничто больше не выдавало эту вытоптанную прогалину как место расправы. Ребята болтали о своем по пути в город, и Ведана слушала их в пол-уха, раз за разом прогоняя в голове будущий разговор с отцом. Нужно подготовиться и рассказать ему все так, чтобы придаться было не к чему.

Идти было около пяти верст, ноги успели промокнуть еще утром, и теперь напоминали о себе при каждом шаге холодным покалыванием. Снова и снова они проваливались в глубокий и тяжелый весенний снег, пока Настасья не зачертыхалась.

– До ночи так ползти будем, – она подтянула пояс, бросилась на землю и ударилась лбом о снег.

Краткий всполох тьмы навроде тех, что в лихе, поглотил деву, будто тень легла да исчезла, и на месте Настасьи стоит волчица. Только глаза выдают в ней человека – такие же голубые.

– И то верно.

Новая вспышка, и Яромир припускает за Настасьей, покачивая куцым рысьим хвостом.

Также, как и остальных, Ведана проводила взглядом и Вольгу. Напоследок он бросил ей: «Ну, догоняй!» и обернулся горностаем. Яромир с Настасьей удавятся со смеху, когда он будет им вычитывать, за то, что его не взяли с собой на закорки, и как он утопал в их следах.

Ведана никого догонять не хотела. Конечно, холодно, и хочется скорее вернуться, но обращаться на людях ей строго запрещено. Увидит кто из городских, снова начнутся сплетни одна страшнее другой. Ничего, она давно не выбиралась в Лес, чуть померзнуть не такая большая проблема.

Впереди тянулись три цепочки свежих звериных следов, пока самые маленькие из них не пропали. Видимо, над Вольгой все же сжалились и подсадили. Ведана невольно улыбнулась. Ей было тяжело общаться с ребятами, как с друзьями, но эти встречи всегда ее радовали. Пусть она больше молчала и просто слушала их истории, смеялась с шуток и наблюдала, как тепло смотрят друг на друга Вольга с Настасьей, этого ей хватало. Это напоминало ей жизнь до обряда.

Березняк сменял темные стволы елей, начали появляться заросли орешника с подъяденной зайцами корой. Снег был уже не таким глубоким, как в чаще, и Ведана шла все быстрее, размышляя, не станет ли ее опоздание проблемой.

Нет, проблема оказалась в другом.

Она застала отца в сених за резьбой, а он всегда резал, когда душа его была не на месте. Князь выслушал ее недолгий доклад, но уже имел свое представление о случившемся.

– Почему ты медлила? – ножичек умело ходил в руке, обтачивая оберег в форме солнца.

– Добычу отслеживают, а не бросаются на нее, как малые котят.

– И всем своим видом дают ей понять, что вот-вот нападут? – голос его посуровел, и Ведана вдруг поняла, что не имеет никакого желания препираться. Чем скорее закончится этот разговор, тем лучше.

– Нет, отец.

– Ты зверем сидела на коленях подле лихо. А должна была обернуться сразу, как закончишь, – князь чеканил фразы, тыча пальцем себе в колено и рискуя напороться на лезвие.

– Я устала, отец, взяла передышку. Мне жаль, что меня видели, – как же она ненавидела себя за этот извиняющийся тон. Тем более, что извиняться ей было действительно не за что.

– Смеешь врать мне? Снова нечисть жалеешь, а главное, даешь другим увидеть эту твою тварь!

– А как иначе я бы выполнила твой приказ? – чувство несправедливости заставило Ведану до боли сжать кулаки.

Из груди отца вырвался тяжкий вздох. Вместе с ним упали плечи, словно на них давило непомерное бремя, и у него закончились силы сдерживать натиск. Он отложил нож.

– На дальнем болоте тебя видели.

Вот в чем дело. Он злился, что на глухом болоте в трех верстах от последней избы, она позволила себе расправить крылья. А тут еще и Яромир со своими донесениями, хотя ничего плохого Ведана не сделала. Яромира, впрочем, винить не стоит, Князю врать нельзя, а за неподчинение он не смотрел, кто перед ним. Поэтому рассказ Яромира, хоть наверняка и был беспристрастным и сухим на факты, все же подлил масла в огонь.

Отец с дочерью долго смотрели друг другу в серые глаза и, кажется, оба не понимали, как им наконец найти выход. По нёбу разлилась тупая боль от еле сдерживаемых слез. Но отец больше не злился, лоб его расслабился, оставив за собой гряду морщин, а во взгляде стало читаться сочувствие.

– Я понимаю все. Нельзя нам в одном теле всю жизнь прожить. Дух твой требует свободы, платы за покровительство. Я и сам не могу боле трех дней человеком ходить, но улетай дальше в Лес, где люди не бывают и не смотрят даже звериными глазами.

Ведана молча кивнула, а в груди все так же щемило. В такие моменты она действительно чувствовала его любовь и вместе с тем витающую неловкость. Хотелось подойти и обнять отца, как в детстве, но так страшно — вдруг быть непонятой. Она видела, чувствовала, что его тревожит что-то большее, и боялась спугнуть эту откровенность неуместными нежностями.

Князь медлил. Снова крутил в пальцах грубую деревяшку, пока вся его кручина не вылилась одной лишь фразой.

– Через луну здесь будут моричи.

Уже на пороге сеней, аккуратно оглянувшись, Ведана застала отца потерянным, уставившимся в оберег пустыми глазами.

Прохлада ранней весны снова окутывала с головы до ног, но Ведане было жарко от спешки и волнения. Она торопилась домой, чтобы в этот погожий день, когда повсюду пробуждалась жизнь, рассказать бабке о том, что может эту жизнь оборвать.

Столько лет они готовились к этому? Князь Ярополк еще до ее рождения знал, что моричи, или как они себя сами называют – сергвы, вернутся на их общую родину с войной. И ходили слухи, что именно бабка ее – Радомира – надоумила его готовиться. Только благодаря ему родичи стали учиться сражаться не только с нечистью, но и с людьми.

Отец сказал, что моричи с миром придут, но Ведана в это не верила.

Зато теперь ясно стало, зачем так рано и глубоко Лес зачищать – иначе моричам будет опасно заходить на эти земли.

Сквозь белоснежную дорогу тянулись две расхлябанные грязные колеи, и каждый шаг разбрызгивал снежную жижу. Ведана шла быстро, избы вокруг становились все реже, оголяя слева вид на Стрежь, еще закованную в лед. Вскоре Лес подступил к огородам.

У изгороди одного из них стояла грузная женщина. На плечах был лишь шерстяной платок. Казалось, она выскочила из избы ненадолго, но по ознобу можно было понять, что стоит она уже давно. Ведана догадывалась, что случилось. То была Лада – матушка ее близкой

подруги. Она обнимала себя за плечи и всматривалась в глубину леса, игнорируя своего духа барсука, который непрестанно скакал вокруг нее обсидиановой тенью.

– Лада!

Женщина мазанула прощальным взглядом по Лесу и поторопилась к калитке, стягивая платок с рыжих волос.

– Здрава будь, Ведана, – на ходу она откланялась. – Опять она ушла, ох, сколько можно так мучить и себя и нас!

– Сколько нет ее?

– Дак со вчерашнего утра! Ушла с этой опушки, а сегодня сколько смотрю, нет ее следов, – со сбитым дыханием она жаловалась на дочь, а в уголках глаз стали собираться слезы. – Следов нет, понимаешь? Вчера были, а сегодня нет... Заберет ее Лес, чую, что заберет! Как Старшак ушел на обряд, она с каждым разом все дольше пропадает. Как бы Хозяин не положил на нее глаз! А глаза ее, ты видела? Они ...

– Я поговорю с ней, – перебила Ведана, видя, как мать заходится от переживаний.

– Ведана, ты серьезно поговори, нас она не слушает! Только придет, я ей задам! Надо же так нас мучить, я...

– Я тороплюсь, Лада, если к вечеру не вернется ваша дочь, сама пойду её искать, мне это не меньше вашего надоело. Вы дома будьте, избу готовьте, скоро Старшак вернется, – она не заметила, как голос ее посуровел, а брови сошлись на переносице.

– Ох, да... – дрожащей рукой Лада прикрыла платком искаженные горечью губы.

Они откланялись друг другу.

Ведана снова торопилась домой и, помимо страха войны, в ней разжигалось раздражение к Зоряне. Вот уж почти год, как пропал Яр, а она все не может с этим примириться.

Много лет дружбу они водили, летом тем посватались, к свадьбе готовились, но прямо перед Купалой забрал его Лес.

Искали его всем миром, но с каждым днем все яснее становилось – был бы жив, давно б нашелся. А не он – так дух его, русак. Бабка говорит, видела, как Яр с берегинями заговаривался, но сколько не допрашивали они их с Веданой, ни одна не призналась в содеянном. Вскоре Радомира бросила поиски и Зоряне настрого запретила: «Лес забрал свое». Но Зоряна не хотела слушать.

Ведана помогала ей попервости. Сначала поисками, потом советами. Потом и вовсе кричала на нее, и плакала вместе с ней, надеясь, что Зоряна сможет пережить горе и отпустить. Но та любила так сильно, что ей стало плевать на законы. Ослепленная горем Зоряна скиталась по Лесу до поздней осени, влезала в шкуру оленухи так часто, что стала терять волю.

Зверь захватывал ее, и с каждым обращением от девы оставалось все меньше. Она уже не помнила, кого ищет и зачем, не знала, по какой тропинке вернуться ей домой. Пока Радомира не выбила из нее дурь. Она помогла, но пообещала, что больше и пальцем не пошевелит ради той, кто не чтит законов.

Всю зиму Зоряна просидела в избе и глаза ее все больше походили на человеческие. Младший ее братец – Старшак – не мог нарадоваться, что сестра вернулась, но сам с тех пор стал как будто старше на дюжину лет. Важный ходит, говорит: он теперь защитник и хозяин в доме. Сегодня узнают все, кем его Лес увидел, и какое имя он теперь носить будет.

Ведана подходила к бабкиной избе, которую считала своим домом. Она стояла у самого края Леса, в отдалении от всех. Ниже и меньше других была, словно утопала в земле от старости и уходила корнями за границу их мира. Изба смотрела побеленными наличниками на все стороны, а обережная резьба на них была столь древна, что никто уже не помнил ее мастера.

Рука легла на серую древесину, подогретую солнцем. Оно же переливалось в стекающих с навеса крыльца сосульках, играло в капли, и собиралось в грязных ручейках. Ведана снова

подумала о Зоряне, о том, как умело та заворачивает воду, даже самую безжизненную – талую, и как глупо себя ведет, рискуя лишиться их род такого редкого дара.

Печь была вытоплена, а за заслонкой стоял горшок – значит Леслав хозяйничает, избу готовит к возвращению ведуньи. Закинув сапоги сушиться и поев каши, Ведану разморило. Сквозь дрему она слушала, как Леслав шуршит на чердаке травами, в темноте подпечья возится домовой, а за окном, подле которого она устроилась на лавке, пела синица. Вскоре к этим звукам добавился скрип входной двери.

– Чего ленишься? – Радомира встретила внучку с улыбкой на усталом лице.

– С утра службу несла, а днем вести дурные.

– Знаем, слышали.

Ведана замерла.

– Слышали?

Ведунья не ответила и принялась опустошать многочисленные карманы своего платья, доставая то из одного, то из другого мелочи, необходимые для обряда. В последнюю очередь она вынула горсть мороженой рябины и кинула в подпечье. Домовой всегда был рад ее лесным гостинцам, ждал их и потому не баловался в отсутствие хозяйки.

Ведана молча наблюдала, как бабка снует по избе, и не решалась завязать разговор о войне и выдать тем свою тревогу. Вместо этого она перетирала в пальцах складку скатерти.

– Как обряд прошел? Скольких Лес не принял?

– Беду не кличь. – строго оборвала Радомира. – Хорошо прошел, лучше, чем в том году.

– И кем же Старшак обернулся?

– Тее, он сам покажет, – хитро протянула бабка из-за печи и тут же вынырнула на свет с ковшом воды. Настроение ее никогда не стояло на месте, она прищурилась и строго спросила – Зоряну ж, небось, искать пойдешь?

Все-то она знает.

– Ты вроде луну целую в Лесу жила, а тебя ничем не удивить.

– Нечему удивляться. Про моричей давно все понятно было, а Зоряну уже ничего не остановит. Вот чего не успела, так сестренку Яромира проведать, ну то после бани уже. Со мной пойдешь, или в Лес поскачешь?

– Полечу.

– Ну лети-лети, – Радомира допила воду и утерлась грязным рукавом. – Вечером поговорим, как с вече вернемся.

– Меня не звали, – сухо ответила Ведана.

Костяшки пальцев забелели на ручке ковша. Ведунья по-птичьи вытянула шею.

– Не звали? Княжескую дочь не позвали на вече? – глаза Радомиры наливались кровью.

– О чем они думают? Да каждого конюха позвали, а тебя нет? Сама придешь, не надо тебе их приглашение.

– Нет.

Зрачки у бабки сузились.

– Потом не плачься, что тебя ни во что не ставят.

Радомира двинулась к сениям. Топот ног сменился тихим разговором с Леславом.

Ведана подтянула ноги на лавку, обняв себя. Больно надо ей это вече. Сидишь там тихо, как дура, слова не вступишь, в сторону не посмотришь, и все равно потом упреков не оберешься.

У нее было чувство, что бабка взбаламутила ей всю душу. Не этого Ведана ждала от встречи. И что за реакция такая на вести? Да, можно сколь угодно долго готовиться к темным временам, но в миг, когда ты действительно осознаешь их неизбежность, страх завладевает тобой. Ведунья же совсем не изменилась, словно она жила на войне уже много лет. Может, так оно и есть.

И ее слова про Зоряну не могут быть правдой, не должны. Она вернулась однажды, стала собой, почему бабка говорит так, будто все уже предрешиено?

Ведана прикусила щеку и стала собираться.

Она зашла в Лес при свете солнца, но стоило сделать с дюжину шагов между елей и день остался где-то позади. Тонкая, едва заметная тропка вела сквозь заросли к притоку Стрежи. Ведана не раз находила Зоряну именно там.

Лада сказала, что лес начал прятать ее следы. Если Зоряна не одумается сама, ей не сможет помочь никто, потому как идти против воли Леса – значит обречь себя на смерть. И Ведана не была уверена, что сможет смириться с этим. Да, она убеждает ее забыть Яра, потому что это правильно, это закон, но сможет ли она сама отпустить Зоряну, если придет время...

Всю дорогу она думала о том, на что нужно надавить, чтобы достучаться до закрытого сердца подруги, пока не провалилась по колено в снег. Она сделала шаг назад, снова снег. Еще. Тропки больше не было.

Стыдно заплутать там, где детвора по ягоды ходит. Даже по темноте и сугробам. То же волчье лыко, те же деревья, вдалеке сосны скрипят, а дороги нет.

Ведана никогда не чувствовала Лес так, как должна была, как мать или как бабка. Слишком часто он пугал ее своей тишиной, словно разглядывал со всех сторон, но решал не трогать. Сколько бы она не оставляла ему даров на границе, никогда он не встретит ее теплым ветром, не погладит ветвью ивовой, лишь смотрит, смотрит, смотрит.

Она не заметила, как до боли закусила губу, а шея сама втянулась в плечи. Под тяжелым взором Леса Ведана не двигалась с места, искала в своей памяти то, что вернет ее на путь. Всего одна маленькая деталь снимет морок и не позволит шагнуть в чащу. Рывком она стянула с себя шапку.

– Я твоего не заберу. Я пришла лишь за тем, что тебе еще не принадлежит, – шепот разнесся во мраке, но не нашел ответа.

Значит, она сделает по-своему.

Ведана скинула душегрейку, аккуратно стянула сапоги с онучами. Рубаха ее спереди ничем не отличалась от сотен других: некрашенный лен, обережная вышивка на горловине. Но сзади, казалось бы, лишний лоскут закрывал разрез на ткани.

Губы дрогнули и боль разлилась по лицу, обжигая глазницы, скулы, зубы. За грудиной зашевелилась, затрепетала от предвкушения птица. Она росла и билась о нутро, ей было тесно. Вместе с ней росла и Ведана – ее тело было слишком мелким для этой твари.

Первый сильный удар пришелся между лопаток, дева выгнулась, зажмурилась от жгучей боли. Мышцы с костями, раздвигались и тянулись все сильнее, пока серые перья не прорвали кожу на спине. Тяжкое дыхание смешивалось с хрустом костей и шелестом расправляющихся крыльев.

Второй толчок прошелся по позвоночнику и Ведана едва не упала: бедра свело судорогой, колени выгнулись, кости ног смещались раз за разом, будто тело вспоминало, каким оно должно быть. Ступни ломало до слез. Пальцы срослись и вытянулись, ногти почернели, превращаясь в длинные загнутые когти. Широкие штаны с поневой стали Ведане по щиколотку, скрывая переход от человеческого тела к птичьему.

Она судорожно вздохнула. Грудь и живот остались почти прежними, но плечи тянуло назад тяжестью крыльев, а перья пробирались вдоль спины к шее.

Тонкий язык прошелся по заострившимся зубам. Ведана знала, как мерзко выглядят со стороны: черные зрачки на фоне почти белых глаз, лицо искажено, птичье лапы и огромные серые крылья за спиной. Руки были человеческими лишь до локтей, а ниже чернели, покрываясь чешуей, и заканчивались уродливыми кистями с загнутыми когтями. Ими она и убила утром лихо.

Ведана повела плечами, приминая под рубахой перья. Крылья тяжело дрогнули, зацепили ближайшие ветви и смахнули с них снег.

Воздуха стало больше, и темнота перестала душить, открывая дорогу. Пень. Мелкий и сухой выглядывал из-под ледяной корки в двух аршинах от нее, а за ним тропка. Ведана подобрала вещи и взглянула вверх, к небу. Стоит ли ей рисковать? Нет. Слишком уж близко она к городу. В таком обличье она и пешком дойдет быстрее, и Лес со своими духами не будет ее душить.

«Может, и птица на несколько дней успокоится – большая роскошь дважды за день проявиться».

В зверином облике она видела и слышала острее, а боялась меньше. И иногда ее пугало то, насколько удобным было это тело и как подолгу она могла пребывать в нем. Однажды она летала на дальних болотах целый день, пока шепот той твари, что назвалась ее покровителем, не стал слишком громким и навязчивым.

Ведана увидела ее, когда деревья расступились, открывая взору речушку. Молодая луна играла в льдинках на рыжей шкуре, отражалась золотом в глазах. На самом обрыве, свернувшись калачиком, лежала Зоряна.

«Оленуха бы не легла на такое видное место, значит, она еще управляет собой».

Но Ведана не торопилась оборачиваться, знала, как силен и хитер может быть зверь, жаждущий вернуться под солнце. И хоть речь ее в этом обличье была не так приятна слуху, страха у Зоряны она никогда не вызывала.

– Мать твоя слезами обливается, – так она решила начать.

Зоряна подняла голову и тут же зарыла ее глубже себе под копыта.

– Я на оленьем не разговариваю, оборачивайся, – Ведана подошла к оленухе и ласково провела когтистой рукой ей по шее. – Давай, Зоряна.

Нежный этот жест дался Ведане с трудом. А когда Зоряна в ответ лишь тяжело вздохнула, заготовленная речь стала застревать в горле.

– Если ты боишься, что я буду просить тебя Яра забыть, то это не так, – мускулы под рукой дрогнули, – я знаю, что ты не сможешь. Никто из нас его не забудет, но этого и не нужно. Ты можешь любить его дальше, хоть всю жизнь, как его семья любит.

Уже не сосчитать, сколько теплых слов было поглощено дырой в груди Зоряны. С самого лета ей твердят одно и то же и на разный лад.

– Думаешь, семья его меньше любит, раз не ищет его до сих пор? Не оскорбляй их такими мыслями, Зоряна. Они не ищут его, потому что знают правила.

Груда мышц до того момента кажущаяся небольшой, пошатнулась и резко встала на крепкие ноги. Ведана отпрянула, неуверенная уже, с кем она говорила. Оленуха же рванулась к ней, издавая не то рёв, не то плачь, обдала лицо жаром дыхания, замотала мордой, попятилась и снова упала всем телом вперед.

Тьма ночи сгустилась вокруг оленьего тела, вихрем промелькнула и отступила уже от девы.

– Надоели! – лицо Зоряны искажала боль. – Все знаете, как правильно! Все понимаете! А мне не нужно ваше знание, ваше понимание! Я ни слова не сказала его родителям, ни разу не упрекнула ни их, никого, кто отказался искать его, кто Радомиру послушал. Но я знаю, что он жив!

– Ах вот как... – зубы Веданы скрипнули.

– Да, так, – Зоряна перевела дыхание после крика, – он жив, я знаю.

– Ты недовольна наказом ведуньи? Не нравится, что мы беспокоимся о тебе? – нужно было загнать Птицу на место, но от подступающего гнева Ведана еле справлялась даже с собственным лицом – Зоряна, Яр мертв, а ты мало того, что себя губишь, так еще и нас всех за дураков считаешь!?

– Никем я вас не считаю, не сдались вы мне!

– Это твоя благодарность за то, что я вслед за тобой по Лесу скачу? Чтобы тебя, дуру, Хозяин в лапы не прибрал?!

Зоряна стояла в одном платье, не подпоясанная, босая, она походила на берегиню. Оленья шкура грела ее, теперь жаркие чувства не дают ей замерзнуть, но скоро она накричится и захочет домой к печи. Или обратно в оленью шкуру. Другого выбора у нее нет.

– Я тебя об этом не просила.

Что-то внутри Веданы разжигалось с непомерной силой, заставляя щеки гореть от боли в желваках.

– Мне сказать Старшаку, что ты умерла? – в голосе стала слышна угроза.

– Что?..

– Старшак просил найти тебя, – Ведана сощурилась и стала приближаться, раскрывая крылья, – мне сказать, что его единственная сестра сдохла в Лесу?

– Вранье! – янтарные глаза округлялись от ужаса, Зоряна пятилась назад, к самой кромке льда, как загнанная добыча. – Уйди!

Ей нечем было защищаться, и она знала, что не справится, потому единственным выходом для нее было удариться оземь и умчать оленухой, но Ведана поймала ее за растрёпанные рыжие волосы.

– Пусти! Нечисть!

Ведана не боялась ударов, но слова все же ранили.

– Чего ты так разоралась? Ты же уже бросила брата.

– Вранье. – новый удар должен был прийтись в живот, но Ведана перехватила руку. В ее лапе она была хрупка, как хворостинка. С ужасом Ведана поняла, что волосы подруги рвутся под ее когтями и ослабила хватку.

– Он без тебя уже научился жить. Ему всего одиннадцать лет, а уже защитником себя мнит, главным в доме. Почему, Зоряна? – слова жгли язык и правдой, и жестокостью одновременно, но она не знала, стоит ли ей остановиться.

– Я... я... – Зоряна застыла, лишь продолжая тянуть на себя зажатую в когтях руку.

– Сегодня он пришел с обряда, хотел поделиться с тобой новым именем, а сестры дома нет. Как думаешь, если Лес заберет тебя, он смирится? Или так же будет искать тебя и сгинет?

Зоряна обмякала на глазах. Ведана отпустила ее и несколько волосков золотыми нитями упали на вытоптанный снег.

– Он уже дома?.. Я думала, что успею вернуться... – глаза заволокла пустота, ноги больше не держали ее и она опустилась на колени.

– Ты столько говоришь о Яре, но я не слышу ничего про мать, про брата, про тебя.

– Кто его дух? – Зоряна резко подняла голову к лицу Веданы, а губы дрожали так же, как у ее матери сегодня утром.

– Разве для тебя это важно?

Зорянины плечи затряслись мелко-мелко, она утопила лицо в ладони, и ее беззвучный крик был громче всех слов.

Пора было возвращаться. Ведана смотрела на рыдания подруги и снова становилась человеком, которого Зоряна готова выслушать и без угроз расправы. Звон ударил по ушам. Еще мгновение назад Ведана слышала, как воды реки шепчутся под ледяной коркой, как снег осыпается с дальних ветвей. Теперь не только звуки, но и запахи, мелкие детали, все превратилось в однообразный шум.

Каждый вздох стал короче, тяжелее, будто грудь стянуло ремнями. Огромные кости втягивались под лопатки, перья исчезали в горячей коже. Ведана невольно содрогнулась, когда ушла тяжесть крыльев, а вместе с ней и сила защитить себя от Леса. Она становилась меньше

и слабее. Вместе с птицей уходило то странное спокойствие и возвращалось то, от чего в зверином теле Ведана могла спрятаться.

Руки ее задрожали. Злость, еще недавно такая простая и горячая теперь казалась слишком тяжелой. Как она позволила гневу взять над собой верх? Какое она имела право на такие жестокие слова? Птица затихла где-то глубоко в груди, забрав с собой эту жестокую уверенность зверя, который всегда знал, что делать.

Осталась только Ведана. Больше не хотелось нападать, спорить, доказывать свою правоту, хотелось, чтобы ее больше не боялись.

Ведана натянула на подругу шапку, отряхнула душегрейку, нашла затоптанные в снег онучи и помогла Зоряне одеться. Себе она все же оставила сапоги.

– Пойдем быстро, не то вдвоем здесь околеем, – смотреть в глаза подруге было невыносимо.

– Может я...

– Не вздумай! Оленуха твоя уже совсем границы размыла. Пешком пойдем, хоть вспомнишь каково это.

Зоряна ничего не ответила и молчала всю дорогу.

Чего Ведана боялась, так это того, что Лес их не выпустит. Что будет дурить в отместку и заведет туда, откуда им не выбраться. Но следы ее, сначала птичьи, затем от сапог, вели их напрямик к дому. Ни ветер, ни колючие ветви не мешали и, кажется, расступались перед ними, открывая дорогу.

У Зоряны зуб на зуб не попадал, но шла она быстро, видимо воспоминания о печи подгоняли. Ведана же на ходу сорвала поневу и замотала ей тело, чтобы хоть как-то сохранять тепло.

Их встретили на подходе к избе. Беспокойная мать сновала под окнами, выглядывая Зоряну, а как увидела, бросилась по вязкому снегу все так же в одном платке. Как бы не обещала Лада выпороть дочь, не способна она была на жестокие меры. А Старшак хоть и повис на шее у сестры, но тут же подобрался, будто таким взрослым, как он, нежности уже ни к лицу. Со слезами на глазах Зоряна заново сгребла брата в охапку.

– Как тебя теперь звать?

– Горян, – гордо и совсем не детским тоном ответил мальчонка.

– Прости меня, Горян.

Она беспрестанно повторяла это «прости», пока ее обнимали за плечи и заводили в избу, и повторила еще раз, повернув обмороженное, заплаканное лицо к Лесу. И от ее взгляда по спине Веданы прошелся совсем другой холод. Она поняла, что Зоряна не просто смотрит в чашу, она ее слышит.

Сначала болтала Лада. Как наседка она суежилась в слишком большом для их маленькой семьи доме: указывала, кому куда сесть, что Зоряне надеть, где ей нужно помочь, и по какому месту можно получить, если не слушаться.

Рыбная похлебка оставалась нетронутой. Ведана сидела, уткнув локти в стол, а подбородок в кисти рук, и не могла унять дрожь. Сначала от холода, а потом от ужаса. Она не верила, что могла так жестоко обойтись с подругой, что могла бросаться такими гнилыми словами, и что это далось ей так легко. Во всем мире было только два человека, которые не боялись Птицы – бабка и Зоряна. Но, кажется, сегодня и Зоряна испугалась Веданы.

Жалость в ней просыпалась к лиху, но не нашлось и крупницы для единственной подруги...

А Зоряна сидела на печи, закутанная так, что выглядывал только веснушчатый нос, и слушала рассказы брата об обряде. Про темную ночь на Красных скалах, нож Радомиры, которого он не испугался и как выбрал его зверь. Правда, на этом моменте Горян насупился, словно вспомнил что.

Губ Зоряны не было видно, но по глазам можно было сказать точно – она, наконец-то, улыбалась.

«А если она расскажет кому-то о том, что случилось на берегу? Если все начнется заново...». Сердце заходило быстро-быстро, жарко уже было в избе, и ноги сами подняли хозяйку.

– Ну, Горян, пойдем, покажешься, всем интересно, кем ты стал, – Ведана улыбнулась мальчонке.

Из одеял показалась лохматая голова.

– А вы еще не знаете?

– А когда же? Он только и успел в избу зайти, а тут вы, – со смехом Лада подгоняла сына к дверям.

Взгляды подруг встретились на мгновение, Ведана с горечью подумала, что вранье – это далеко не самое страшное из того, что она сегодня наделала.

Зоряна ничего не сказала, бодро слезла с печи, запрыгнула в сапоги, пропустила мать и брата, а вот подруге путь из избы преградила.

– Прости меня, – не дожидаясь упреков, выпалила Ведана, – Я не имела права так обращаться с тобой.

– Не имела.

– Прости. За волосы прости, за то, что напугала тебя, за обман, за...

– Ты не имела права, но если бы не ты, где бы я была?

Ведана не нашла, что ответить.

– И я не знаю, где. Я с трудом помню, как ушла и оказалась на нашем с Яром берегу. И что ты мне говорила, пока я оленухой была, тоже не помню. Зато все остальное...

Зоряна взяла руку подруги в свою.

– Спасибо тебе.

– Ты не в обиде на меня? – Ведана не могла поверить, что все может закончиться так просто, и сердце ее с трудом справлялось с нахлынувшей благодарностью.

– Давай просто постараемся жить дальше, – Зоряна мягко улыбнулась ей, потянув на улицу.

Добрая примета первый раз после обряда дома обернуться, так зверь знает сразу, где его новый дом. А Горян все стеснялся, переминался с ноги на ногу, руки потирал. Мать с сестрой не торопили его; обнявшись, они тихо стояли на крыльце. Когда же перед ними вместо Горяна появился длинноногий и нескладный олененок, Зоряна разве что не завизжала от восторга.

На пятаке от ступеней до калитки скакали два ребенка. Горян бодал сестру в бока и живот, а та пытались повалить его, оперившись крепкими ногами в скользкий наст. Смех Зоряны сливался с общим, а олененок все фыркал и цокал копытцами по ледяной корке.

– Ну ладно, будет вам! Соседей разбудите, – нарочито строго, но на самом деле сквозь улыбку, ворчала Лада.

Но сын ее все же послушал и вскоре уже человеком лежал ничком.

– Поздравляю, – Ведана кивнула ему.

Горян уселся на ступеньку, унимая отдышку.

– Даа, благодарю... правда... – нижняя губа его чуть выкатилась вперед, а взгляд уткнулся в землю.

– Что такое? – Зоряна под села к нему и обняла за плечи.

– Да... олень — это хорошо, но я это... волком хотел...

Ведана прыснула, и девчачий залихватистый смех покотился по ночному Яровцу.

– Ахах! А говоришь взрослым стал! Ребенок ты самый настоящий, – Зоряна еле говорила сквозь хохот и вихрила брату макушку.

– Да ну вас!

Горян пытался откинуть руку сестры, но спровоцировал лишь новую возню и волну смеха. Да и сам он заливался, колотя сестру и получая в ответ, пока Лада его не оттянула, как котенка за шкурку.

– Зато у меня рога будут! А у тебя нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.